

ГЛАВА 4

За окном стемнело, и младенцы, будто угадав наступление ночи, немедленно проснулись.

«Спи, когда они спят» — так говорили все: и медсестра, и Патрик, и даже свекровь, без конца твердившая об этом еще до родов. Спи, когда они спят, — звучит легко и для непрошеного совета вполне разумно. «Я бы так и делала, если б могла», — думала Лорен. Да только они же спали весь день, с перерывами на поорать и поесть. А теперь, когда проснулись, так хочется понаблюдать, как они исследуют самих себя и друг друга, как нащупывают границы своего маленького мирка, но веки уже тяжелеют, в висках стучит. Лорен понимала, что, стоит закрыть глаза, ее тут же утянет в бездну, но чувствовала, что не имеет права засыпать, что ее долг — не спать вместе с детьми. Это чувство долга и боль поначалу помогали не провалиться в сон. Ее ободренные соски саднили, а боль в матке лишь слегка приглушила таблетка, смесь кодеина и парацетамола, которую она беспечно проглотила, хоть это и грозило более долгим заточением в больнице («Уверена? Солнышко, от нее может быть запор»).

Кряхтение и сопение переросли в плач, и Лорен в первый раз взялась кормить обоих детей одновременно без помощи акушерки, одной рукой придерживая первого, другой пристраивая второго. Райли,

который был поменьше брата, никак не мог начать сосать, и Лорен дважды пришлось тянуться к нему рукой через Моргана, мизинцем отцеплять от соска и переключать по-другому. Она не смотрела на часы — стоило бросить на них взгляд, и время растягивалось до бесконечности. Близнецы все сосали и сосали, Лорен начала уже думать, что так и просидит всю ночь, но тут они по очереди оторвались от груди, как поспевшие сливы от ветки, и она переложила их, спящих, обратно в кроватку. Тут же глаза ее закрылись, мозг отключился, тело обмякло. Она вроде бы заснула, но все же какая-то часть ее оставалась настоящей, любой шорох вырывал из сна. Жалкое подобие отдыха, но, увы, лучшее, что она могла себе позволить.

Позже ее разбудила тишина. Почему так тихо? Почему не слышно ни звука? Она что-то сделала не так? Дети дышат? Задыхаются? Умерли? Лорен положила ладони на щуплые грудки младенцев, надеясь почувствовать, как те поднимаются и опадают, надеясь услышать звук, с которым воздух втягивается в легкие, уловить хоть какие-то признаки жизни. В резком свете лампы под ее ладонями младенцы дышали и шевелились. Они были живы.

Пульс Лорен постепенно пришел в норму. Она думала обо всех, кто сошел бы с ума от горя, случись что с близнецами. Ее собственная бабушка, мать Патрика, отцы обоих. Родная сестра Патрика Рути и двоюродные Санни и Дейзи. Она думала о похоронах, о том, что не вынесла бы этого сама и не смогла бы видеть, как страдает Патрик. Неужели это и есть любовь — этот жуткий страх, что они умрут? Возможно. Лорен лежала с открытыми глазами, не в силах отогнать мелькающие в воображении жуткие картины. Вот она роняет ребенка на пол головой вниз. Вот попадает в аварию, а дети с ней в машине. Вот она отвернулась всего на мгновение, а тем временем малыш задохнулся, не

сумев убрать с лица одноразовый пакет для подгузника. Так просто, так быстро. И ведь все это с кем-то случалось на самом деле, так правда бывает. Ей действительно есть чего бояться. Лорен смотрела на детей, стараясь запечатлеть их в памяти, уже таких непохожих друг на друга: Райли во сне недовольно хмурится, Морган спит без задних ног, сытый и спокойный. Она думала: я никогда этого не забуду.

Младенцы спали. *Спи, пока они спят.* Лорен хотела понаблюдать за ними, убедиться, что они дышат, но вместо этого мгновенно, будто по щелчку, отключилась.

Ей снова приснились птенец и котенок, и она очнулась перепуганная, вся в холодном поту. Как долго она спала? Неизвестно. Шторка, отделявшая ее кровать от соседней, снова была задернута, и там, за шторкой, совершенно точно кто-то был, еще одна женщина. Внутри горела лампа, против света четко обозначался силуэт, неестественно длинная тень, достававшая до самого потолка. Нарушив тишину, скрипучий голос затянул незнакомую песню.

*По отцовой земле она долго блуждала,
По отцовой земле она долго блуждала,
Ой да малюток прелестных она повстречала.
Положите меня на склоне холма,
На зеленом холме упокоюсь я.*

У этой женщины было двое детей, Лорен точно знала. Она слышала, как дети кряхтят и агукают, будто подпевая странной колыбельной.

*И сказала она, кабы были моими,
И сказала она, кабы были моими,
Ой да я б вас в шелка и парчу нарядила.
Положите меня на склоне холма,
На зеленом холме упокоюсь я.*

Лорен захотелось в туалет, так резко и сильно, что она поднялась, пожалуй, чуть быстрее, чем было способно ее тело. Едва свесив ноги с кровати, она встала и сразу почувствовала, как подгибаются колени. Пришлось опереться обеими руками на изножье кровати и несколько секунд постоять, проверяя себя. Идти она могла, хоть и слегка пошатываясь. Кровавого солнца на простынях в этот раз не было. Мышцы ее промежуности, зашитые-перезашитые, вроде пока держались, и она потихоньку отцепилась от кровати, позволяя ногам принять на себя вес тела. Она наклонилась проверить детей в кроватке и почувствовала на щеке дыхание обоих, легкое, точно взмах перышком. Кровь отлила от головы, хлынула к ногам, и пол заходил ходуном, точно палуба корабля. Лорен замерла, переживая это чувство.

На часах 4:17. Окна — черные зеркала.

*И достала она острый нож перочинный,
И достала она острый нож перочинный,
Ой да острым ножом два сердечка пронзила.
Положите меня на склоне холма,
На зеленом холме упокоюсь я.*

Может, попросить ее перестать? Как бы миссис Гуч не разбудила. К тому же песня жуткая, от слов мурашки по коже, да и мелодия какая-то странная: печальная и злая одновременно. Лорен поначалу обрадовалась, что в палате есть еще одна женщина с близнецами, но теперь сомневалась, что сможет подружиться с кем-то, кто совершенно не думает о других.

Штора была задернута со всех сторон, скрывая соседку от посторонних глаз. В одном углу остался небольшой просвет, и Лорен, раздвинув шторы чуть пошире, заглянула внутрь. В глаза ударил свет лампы, направленной прямо на нее, пришлось прислонить ладонь козырьком ко лбу, чтобы совсем не ослепнуть.

— Простите, — сказала она.

Женщина не ответила, лишь продолжила напевать свою чудную старомодную песню. Лорен подала голос снова, на этот раз чуть громче:

— Простите?

Кровати внутри не было, лишь бледно-зеленое кресло с виниловой обивкой, точно такое же, как в отсеке Лорен и во всех остальных. В нем женщина и сидела. Пустой отсек был ей как будто великоват, без кровати в нем оставалось слишком много свободного места, и прямоугольник пола, отделявший ее от Лорен, казался непреодолимым, шириной с целую реку. Женщина сидела в кресле сгорбившись, уперев локти в колени, и смотрела вниз, в большую корзину-переноску, стоявшую у ее ног, босых и настолько грязных, что их силуэты чернели на фоне больничного пола. Неряшливые лохмотья, бывшие когда-то платьем, длинными, тонкими пальцами тянулись по ее ногам, к полу, бахромой свисали вокруг корзины. Из-за бьющего в глаза света Лорен не могла разглядеть, что внутри, но хорошо слышала доносившееся оттуда прерывистое, хрипловатое дыхание и недовольный ропот — два, определенно два, тоненьких голоса. Лорен шагнула внутрь, чтобы взглянуть на детей поближе, скорее из любопытства, чем по какой-то другой причине. Было ясно, что этой женщине тут не место, что она, судя по всему, бездомная. Одетая в несколько слоев, хотя в больнице жарко как в духовке. Но стоило подойти ближе, и Лорен пробрал озноб. Она неожиданно поняла, что больничная сорочка совсем не греет, почувствовала, как холодный воздух окутывает ее голые ноги, пробирается под тонкую ткань, и обхватила себя руками, пытаясь сохранить хоть немного тепла. Видно, где-то совсем рядом включен кондиционер. Воздух был влажный, промозглый, пах рыбой и тиной — это, скорее всего, от бездомной. Лорен почувствовала, что

ее заметили, но женщина так и не двинулась с места, зато снова затянула свою жуткую песню.

*Она мертвых малюток с собой не взяла,
Она мертвых малюток с собой не взяла,
Ой да алая кровь по ладоням текла.
Положите меня на склоне холма,
На зеленом холме...*

— Послушайте, не хочу показаться невежливой, но, может, вы перестанете петь? Пожалуйста. Вы же всех перебудите.

Женщина с резким вздохом умолкла и отвернулась от корзины. Лорен уловила тоненький жалобный звук — сперва еле слышный, еще один непримечательный голос среди больничного гула, — он становился все громче, но доносился не снаружи, а изнутри, зарождался прямо у нее в голове. Беги, говорил ей этот голос. Уходи, спасайся, прямо сейчас. Но ее ноги будто налились свинцом и приросли к полу.

Прошло немало времени, прежде чем женщина подняла глаза, и, когда их взгляды наконец встретились, Лорен прошиб холодный пот. Такое молодое лицо, лет на восемь или даже десять моложе ее самой, а глаза древней старухи. На голове колтуны — бывают такие волосы, Лорен по себе знала, которые сбиваются и спутываются, едва отложишь расческу. Лицо чумазое. Увы, образ юной замарашки, которая под слезом грязи могла бы даже оказаться красавицей, стоит только отмыть хорошенько, рассыпался, едва она открыла рот. Зубов у нее, похоже, не было, язык зловеще, по-змеиному, мелькал в черной пропасти за пухлыми, но обветренными и растрескавшимися губами. Было что-то странное в том, как она разглядывала Лорен. Что ей нужно?

— У тебя двойня, — сказала женщина.

— Да. — Ответ вырвался у Лорен почти против воли, точно кашель, и она немедленно захотела взять его обратно.

— Дааа... — протянула женщина. — Близнецы... Как и у меня. Только твои заколдованные.

Лорен не нашлась что ответить. Лишь вытаращилась на нее с разинутым ртом и, даже осознав это, все равно не смогла отвести взгляда.

— Мои тоже заколдованные, — сказала женщина, — но не так. На моих дурное колдовство, проклятие. А вам повезло, тебе и твоим. У нас вот отродясь ничего не было, последнее отобрали.

Ей явно в жизни пришлось несладко. А эти малютки в корзине, что за судьба их ждет? Кто-то же, наверное, может помочь? Есть специальные благотворительные организации, в конце концов, у каждого человека должен быть доступ к помощи. Пусть ей хотя бы одежду новую выдадут. И с волосами надо что-то сделать, они слишком длинные, все сваялись, висят как собачьи хвосты, явно кишат паразитами. Это просто вредно для здоровья.

— Мне так жаль, — сказала Лорен. — Хотите, позову кого-нибудь, чтобы вам помогли?

Женщина поднялась, обошла корзину и сделала несколько шагов вперед. Запахи — гниющих растений, мокрой глины, речного ила — сразу усилились, сделалось заметно холоднее, точно сама она и была источником холода. Корзина так и осталась стоять, скрытая за ее спиной, и Лорен не могла заглянуть внутрь. Женщина подошла совсем близко и заговорила тихо, почти шепотом, тихим, свистящим, в котором больше было дыхания, чем голоса:

— Никто мне не может помочь. Теперь уж нет. Было время, да прошло, а сейчас никакие помощники меня не достанут — и не только время им мешает.

Она сделала крохотный шагок в сторону, и Лорен наконец разглядела, что корзина доверху заполнена каким-то тряпьем, драными лоскутами толстой серой ткани, среди которых не видно было ни детского личика, ни даже ручки или ножки. Оставалось надеяться, что детям хотя бы есть чем дышать.

— Может, соцслужбы вам помогут найти жилье? — сказала она. — Не бросят же вас одну, без всякой помощи, так нельзя.

— Тогда была одна, и теперь буду одна. Какая разница?

— Но как же малыши?

Они обе посмотрели на корзину. Что-то зашевелилось в ее темных недрах, заваленных ветошью. В это же мгновение за шторой чихнул один из сыновей Лорен, и к ней моментально вернулась способность двигаться.

— Простите, мне надо идти, там мой малыш проснулся.

Она выскочила наружу, прочь от этой жуткой нищенки, в сухую теплую палату.

— Твой малыш, — повторил сиплый голос у нее за спиной.

В одно мгновение женщина преодолела разделявшее их расстояние и схватила Лорен за запястье своей цепкой, костлявой рукой. Держала она крепко, с удивительной для тщедушной бродяжки силой, и быстро втащила Лорен обратно, не обращая внимания на ее жалкие попытки отбиться.

— Давай договоримся, — зашипела она. — Разве это по-честному? Тебе досталось все, а у нас и то, что было, отняли. Давай поменяемся?

— Что?..

— Отдай мне одного из своих. Я о нем позабочусь. А ты возьмешь моего, будешь растить как родного. Хоть один пусть попробует настоящей жизни, чтоб все на блюдечке. Вот так будет по-честному.

— Вы совсем с ума сошли? С чего я стану отдавать ребенка чужому человеку? Вам самой-то как такое в голову пришло?

Лорен все пыталась высвободиться, их сплетенные руки то вздымались, то опадали, точно штормовые волны. Мертвая хватка, не стряхнуть. Она чувствовала, как цепкие лапы тянут, царапают, ранят ее кожу, омерзительные ногти оставляют ссадины, в которые наверняка попадет зараза, будет воспаление, может быть, даже останутся шрамы.

— Отцепись от меня, — процедила она сквозь сжатые зубы. Укусила бы эту мерзкую оборванку за палец, да слишком уж противно.

— Выбери одного, — настаивала та. — Выбери одного, или заберу обоих. Я возьму твоих, а ты возьми моего. Да ты и разницы не заметишь, сделаю так, что с виду не отличишь. Возьмешь одного — будет честно. А если двоих — так это уж по справедливости.

Из уст Лорен вырвался крик. Он шел откуда-то из глубины, из самого ядра ее сущности, где таились все ее желания, вся сила. В этом звуке воплотились чаяния самых сокровенных уголков ее души, ее страх, и материнский инстинкт, желание защитить своих детей, и безграничная любовь к ним. Она закричала прямо в перекошенное лицо оборванки инстинктивно, не думая, почти по-звериному, и тем не менее крик этот принял форму человеческой речи, сложился в короткое слово: нет!

Этот крик освободил ее руку из тисков цепких лап, она бросилась к кровати, в которой лежали ее дети, схватила обоих и опрометью ринулась в ванную. Дверь она захлопнула за собой и резко дернула ручку, запираясь изнутри.